

Меченый бисер

Алексей Варламов. Лох. «Октябрь» № 2

Александр Архангельский

Первая же фраза варламовского романа указывает на время и место: 1963, Москва. И затем «перечислительной хронологией» будут открываться многие главы «Лоха»: ... в тот олимпийский год Москва подала финский сервелат ... в конце той важной андроповской зимы ... когда по телевизору показывали влезшего на танк Бориса... Но краткообязательные перечисления эти, окрашенные едко-презрительной иронией, заставят вспомнить не Гомеров «список кораблей», не летописную скоротечность: напомнят они скорее ленивый отчет аудитора о делах разорившейся фирмы. Тогда-то на счету было столько-то, тогда-то столько-то... да какая разница, господа, коли все кончено и завтра придут печатывать?

А все, действительно, с самой первой фразы романного жизнеописания идет к тому. Слишком гладко и безухабист избранный стилистически чутким прозаиком строй письма: будто катишь на саночках — вниз, вниз! Слишком ровное дыхание: автор давно примирился с печальным итогом и не в силах скрыть этого от читателя. Слишком жизнелюбивы герои: и главный, Саня Тезкин, с детства раненный женской долей, замороженный влажной плотью бытия; и подручный, хорошеплохой, дурномилый полуеврей Лева; и Козетта, обманчивый центр несостоявшегося любовного треугольника. Все они так привязаны к белому свету, что заранее ясно: не жилицы они, не жилищы.

Дальнейший ход повествования о печальном пути молодого москвича через армию, злую чахотку, взаимную любовь в неизбывной разлуке; через многократное бегство-возвращение из проклятого Богом города; через деревенскую жизнь в обществе мойр, за пределами истории и вдали от ужаса перестройки; через астрономию и философскую писанину, мюнхенские лекции о России и упоминание возлюбленной — к безвременной могиле, — не развивает, а лишь закрепляет изначально заданное впечатление. Из эпизода в эпизод. Из сцены в сцену. Из слова в слово.

Да и как могло быть иначе, если конец пришел не только Сане Тезкину — конец пришел всему, причем в самом точном и узком смысле слова? Если перестройка (perestrojka) и все, что ей предшествовало и что за ней последовало (с Олимпиады и до потрясения 92–93 годов), — суть проявления последних времен? Если «меченый» Михаил и самодовольный «деятель провинциального масштаба» Борис — лишь добровольные пособники сатаны, задавшего целью развалить Империю и

тем сам реализовать вторую часть метафоры «Москва — Третий Рим, а Четвертому не бывать»?..

На это важное обстоятельство умелый автор намекает с первых страниц. На «идею» работает и Бисерово озеро, с его двойным «кругом знаменования»: бесы/бисер. И советская армия, выразительно горящая синим пламенем. И рассказы старух о втором пришествии. И занятия героя «тайной утерянного времени». И вполне апокалиптический город Электроугли — дающий фору солженицынскому Торфопродукту. О Чернобыле и не говорю. А чтобы никто не усумнился, повествователь как бы ненароком вводит в действие (без-действие) своего романа авторитетного «эксперта» — попа. Может, и странноватого с канонической точки зрения, но зато весьма созвучного предвиденьям обиженного жизнью героя:

«...очень возможно, что прежде смерти мы станем свидетелями Апокалипсиса. Вы ведь сами видите, что вокруг творится».

Видим. И покорно плетемся вслед за автором в болотную жижу слишком очевидного финала: конец света, вдруг привидевшийся Лева, «напоминал кем-то спланированную и тщательно организованную эвакуацию. Это длилось несколько дней, <...> главы государств и политики выступали с соответствующими заявлениями и даже успели собрать Совет Безопасности ООН».

Я не буду делать лирико-философское отступление, рассуждать о повсеместно распространившейся жажде конца и ненависти к истории, причиной чего стала понятная усталость людей пожилых и совершенно непонятная склонность наших с Варламовым сверстников к безвольной истерике; не стану говорить о том, что ежили верят в самоисчерпание человечества и наступивший конец времен, то романов не пишут, а если пишут — стало быть, играют в надзвездную тоску... Я скажу лишь о том, к чему все это приводит на уровне «эстетики словесного творчества».

А приводит это к тому, что, несмотря на мастерство и гладкость, дочитываешь самоисчерпывающееся повествование с трудом. Нет и не может быть неожиданных сюжетных развязок, нет и не может быть оригинальных поворотов мысли. Нечему развязываться, некуда поворачивать. И — преследует постоянное ощущение: где-то все это уже читано, при-

Сегодня -
1995 - 1 апр.
с. 10.

чем, не в «Климе Самгине», но именно у сочинителя эпохи безвременья. Пусть и без Апокалипсиса. Пусть и в надежде на «мир и безопасность».

Интонационные «ходы» знакомы по прозе нравоописателя социалистического застоя Сергея Есенина; изложение событий большой политики и международной истории — по «Годам без войны» Анатолия Анянзева. Читано — не значит списано; Анянзева я и сам не читал, только пролистал как-то; я о другом. Об однотипности представлений. Вполне «есинских» в том, что касается житейской сферы,

более чем «аньянзевских» — в том, что касается сферы исторической.

Представлений — безвременных. Вневременных.

И потому бесполезно спрашивать: где автор нашел интеллигентных московских школьников 1980 года выпуска, которые безоговорочно верили всему, что им вещали на уроках обществоведения? Наверное, там же, где богатых (не среднеобеспеченных и живущих на приемлемую зарплату, а именно богатых) западных славистов, которые имеют возможность платить за специализированные туры «во глубину России». Или там же, где взял он точно верующую героиню, которая не просто готова до брака отдаться Тезкину (всяко бывает), но смущена тем только, что происходит сие во дни печальные Великого поста. «Не время»... А за пределами поста, стало быть, время?

Впрочем, действительно, не время. Потому что какая может быть характеристика, заинтересованность, свежесть, историчность, если время вышло — и уже не вернется? Если даже в «Известиях» пишут: в маленьком городке среди бела дня три индюка начали вдруг вздуваться и, достигнув метра в диаметре, взорвались. Несчастные птицы наклевались негашеной извести; к чему это приводит, знает каждый сверстник Саши Тезкина, потому что метать карбид в окрестные водоемы — было одним из лучших развлечений застойного детства.

Невероятно пузыристое вещество.